

У Могилы Неизвестного Солдата

Его зарыли в шар земной...
Сергей Орлов

А на земле ручьи звенели,
Цвела сирень,
Старела мать...
Ему б сейчас лежать в постели,
А не на площади стоять.

Продут поземкой
Зимний вечер.
Проулки, улицы — пусты.
И стынут каменные плечи
Под плащ-накидкой темноты.

Его в Орле
или в Иркутске
Ждать перестали земляки.
Ему бы сесть,
Переобуться
И, похоронке вопреки, —

В тот край,
Где пролетело детство,
Вернуться на исходе дня,
В избе родимой отогреться,
А не у Вечного огня.

Поминки

Жизнь торжествует в разномастном гуле,
Где вздохи вдов порою не слышны...
В большой эмалированной кастрюле
Замесит мама
Тесто на блины.

И соберет соседок и знакомых,
Запрячет под косынку седину.
А теплый блин
Вдруг встанет в горле комом,
Когда я на собравшихся взгляну.

Там, за окошком,
В этот вечер глуше
Шумят листвой осенние леса.
Помин души погибшего отца.
Она в мою переселилась душу!

Я разолью,
Как требует обычай,
Настойку, что от выдержки светла.
О коробок сломаю уйму спичек,
Прикуривая около стола.



На марше,
В карауле,
На привале,
Когда почти беспомощны слова,
Не красноречьем слóва
Дружбу мы сверяли,
А степени солдатского родства.

И в степень превосходную
К России
Мог возвести я преданность свою,
Когда вдоль строя знамя проносили,
Пробитое осколками в бою.

Сирота

Палисадники,
Пихты —
Станция Юшалá.
У него из родных тут
Лишь Россия была.

Он с котомочкой тощей,
Как взрывною волной,
На вокзальную площадь
Был отброшен войной.

И под небом весенним
В сорок трудном году

Зарабатывал пеньем
Он себе на еду.

Пел он плохо и жалко.
Но плясал — как цыган!
Мурашами бежали
Цыпки вверх по ногам.

Мог сыграть и на ложках
О ладошку руки.
В кепку падали гроши,
Звякали медяки.

Вся в мазуте и саже
Телогрейка была.
Тетя Нюра однажды
В дом его привела.
Тетя Нюра в ушате
Замочила белье...
То ли брызги на платье,
То ли слезы ее...

Слепой

В огне бомбежки,
В адском скрежете
Навеки свет в глазах потух...
Так обострила тьма кромешная
Его обыкновенный слух,

Что научился он по голосу
Определять прохожих рост,
Как поле — по шуршанью колоса,
Сентябрь — по шелесту берез.

Бесшумной палочкой бамбуковой,
Что верной спутницей была,
Не мостовую он простукивал —
Гремел во все колокола.

Звонил о братьях по оружию!
Как будто бы из-под земли
Неумирающие души их
На стук откликнуться могли.

Пожгла, сломала, исковеркала
Подлесок жуткая гроза...
А иногда во сне,
Как в зеркале,
Он видит вновь свои глаза.

Послевоенная весна

Брату Николаю

Ты помнишь ту весну:
Упрямо к небу
Рвалась настырно ранняя трава.
А наша мать
За полбуханки хлеба
Ночь напролет вязала кружева.

Скребла полы
И клеила калоши,
Поглядывая часто на кровать,
Где спали трое пацанов подростших,
Любивших плакать,
Петь
И рисовать.

Ты помнишь?
Мама выменяла где-то
За кружева карандашей набор.
И не тогда ль
Я приобщился к цвету,
Который мне сопутствует с тех пор.

Им стал зеленый.
Зеленели листья
И не могли завянуть на корню.
И потому я позже
Стал танкистом,
Что в цвет защитный красили броню.

Тетка Дарья

В День Победы
Тетка Дарья —
Вот уже который год —
Утром мужнины медали
Мягкой тряпочкой протрет.

Так в награды фронтовые
Въелась горечь передряг,
Что, всю жизнь прошив навывлет,
Память
Встанет вновь в дверях...

Вот летишь ты на свиданье
За околицу села
Никакой ни теткой Дарьей,
А невестой, весела...

Сотни звезд!
А может, тыщи?
И, не помня ничего,
Ты сама во тьме отыщешь
Губы жаркие его.

На счастливейшей полянке
Знать не знали
Ты и луг,
Что «Прощание славянки»
Вырвет милого из рук...

Я б за то вручал медали,
Что жила
В дни тех годин
Вера в силу ожиданья
Даже в плаче проводи.
Шла она с бойцами рядом,
Согревала в снег и в дождь...
Ты прильнешь щекой к наградам
И украдкой
Всплакнешь.

Почтальонша

Как долго —
Через всю Россию —
Шли письма.
Днем и по ночам.
А ты, девчонкой, разносила
Их по дворам односельчан.

Летела мигом
К ждущим окнам,
Надеждой жившим всякий раз.
Такая шустрая,
Во многом
Не сразу ты разобралась.

Взять даже то,
Что торопиться,
Пожалуй, надо не всегда.
Ведь в сумке выцветшей тряпичной
Могла пристроиться беда.

О, письма с фронта!
Глянув мельком
На штемпель, адрес и печать,
Кто смог бы так,
Как ты умела,
Их содержание различать?..

Обманчивость благополучья —
Был в тыщу раз
В те дни страшной
Родных мужицких закорючек
Красивый почерк писарей.

Ты, размышляя на подворье,
Как бабья доля тяжела,
В конверт заклеенное горе
Вдове
Растерянно несла.

И, жадно вслушиваясь в сводки,
То в жар бросающих,
То в дрожь,
Солдатки знали —
По походе —
С какой ты весточкой идешь.

Крайняя изба

Пурга.
Ни огонька и ни столба!
Усталости слепая паутина...
Но в белом мраке крайняя изба
Меня, как сына,
На ночь приютила.

В ней не нашлось домашнего вина,
Но угольки нашлись для самовара.
Хозяйка престарелая —
Одна! —
В ней, доживая век свой, зимовала.

В ней пышно взбитых не было перин,
И мне постелью стал тулуп овчинный.
А я сидел на лавке
И курил,
Прикуривая жадно от лучины.

В печи сухие таяли дрова,
Стреляя, как неотсыревший порох.
И думал о старушке я сперва,
Потом — о крайних избах,
От которых
Такой короткий путь до большака...
Отсюда — не на жатву урожая —
Сибирская крестьянка
Мужика,
Сынков своих на запад провожала.

Как ночи ожидания длинны!
Как луч надежды призрачен и тонок!
Здесь проходил
Передний край войны,
Сердца сжимая болью похоронок.

И если снова позовет труба
Иль заметет дорогу вьюга злая,
Проводит нас
И встретит нас изба,
Та крайняя изба —
Не хата с краю.

Чистота

Суровое военное житье.
И столько в нем традиций, сколько прозы...
И перед боем чистое белье
Солдатам выдавалось из обоза.

Бойцы же треугольники потом
Политрукам зачем-то отдавали.
И главное едва ли было в том,
Что люди перед смертью надевали.

Ведь где-то токовали глухари,
А рядом на дыбы земля вставала...
И все-таки,
Чего ни говори,
Какая-то здесь связь
Существовала.



*Лебедеву Николаю Александровичу,
Герою Советского Союза*

Вникая сердцем в правду горьких сводок,
Стал город на Неве фронтовиком...
Вернулся зимним вечером с завода
Отец опять с урезанным пайком.

Не верь:
Мол, пах он клеем силикатным,
Темнея, как протравленная медь,
Одно лишь отличало хлеб блокадный —
Ни разу не успел он зачерстветь.

Лишь дочери — девчонки молодые,
Не видевшие в жизни ничего,
Глаза с трудом от хлеба отводили,
Пока мать ниткой резала его.

А сам отец, такой седой, сутулый,
Вздыхнув, квартиру молча оглядел.
Нет ни стола, ни полок и ни стула.
Да — стула,
На котором сын сидел...

И вот когда в прошитом стужей доме
Все, что горело, было сожжено,
Взял старый слесарь лермонтовский томик
И вспомнил, может быть, «Бородино».

И передумал, видимо, о многом.
Ну а потом недрогнувшей рукой
«Буржуйку» подостывшую потрогал,
Откинул дверцу с болью и тоской.

Жену, детей, себя ли успокоил,
Пытался ли загнать подальше стыд:
«Я думаю, когда вернется Коля,
То он поймет, то он меня простит».

Шли жизнь и смерть по Ленинграду рядом.
Тепло от книг, текущее к ногам,
Могло назавтра стать в цехах снарядом.
Еще одним снарядом — по врагам!

О, книги! Бескорыстные подруги —
Их меньше становилось с каждым днем —
Спасали обмороженные руки
Своим недолгим ласковым огнем.



*В. М. Щеглову,
рентгенологу*

Полоснул, как финский нож, фугас!
Окруженье...
Харьков...
Лихолетье...
Сколько пленных
Ты от смерти спас,
Будучи врачом в гросслагерте?!

Время то забыть бы поскорей
И овчарок бешеных оскалость...
Адовы круги концлагерей
Снятся ли тебе,
Василь Михалыч?

Там, у жуткой памяти в плену,
Ты в который раз бежишь из плена.
Напугав уснувшую жену,
Вскрикнувший,
проснешься сам мгновенно.

В снах подкопы продолжая рыть,
Не поймешь, очнувшись, сразу —
где ты?..
Знавшая, что бросил ты курить,
Тянется рука за сигаретой.

Выступит холодный пот — ручьем!
Сядешь ты, ссутулив зябко плечи.
Вечным,
Как рентгеновским лучом,
Состраданием к больным просвечен.